

Поручик-экспрессионист

Владимир Бехтеев в галерее «Арт-Диваж»

Загреб - 2005 -
Оч. окт. - с. 34.

Сергей Сафонов

В Москве постепенно формируется сообщество галерей, которые хоть и занимаются «старым» искусством, а все же не скатываются до ампула торговцев-старьевщиков. Особенно такие галереи заметны на том на первый взгляд небольшом историческом пространстве, что расположено между антиквариатом конца позапрошлого века и художествами второй половины века XX: «Элизиум», «Г.О.С.Т.», «Арт-Диваж». Будет еще, хочется надеяться, время, когда кураторы немногих очагов прежней художественной культуры решатся на серьезный совместный проект. Пока же приходится наблюдать за каждой галереей в отдельности. Со временем, например, стала как-то особенно понятна, а оттого достойна уважения та «упертость», с которой куратор-идеолог «Арт-Диважа» Ильдар Галеев пашет свою довольно узкую пашню: подзабытое графическое искусство

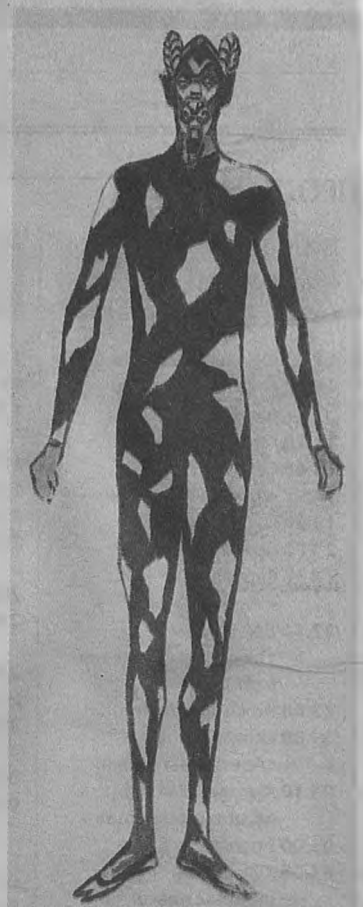
1920—40-х годов. Его очередная выставка посвящена Владимиру Бехтееву (1878—1971). Для одних — автору забытому или прежде неведомому; для других — участнику самой первой выставки «Бубнового валета» и соратнику Василия Кандинского по мюнхенскому объединению «Синий всадник». То есть легендарному художнику легендарной эпохи.

Даже трудно сказать, что в этом проекте первично — выставка или исчерпывающий каталог, собравший всю информацию, известную о мастере на сегодня. Бехтеев родился в Москве, учился сначала в реальном, затем в кавалерийском училище, за три года до нового. XX столетия поступил в кавалерийский Митавский полк в городе Ченстохове. Выход в отставку в чине поручика совпал у него с увлечением рисованием. Дело было не в избытке освободившегося вдруг времени, наоборот: желание взяться за кисть и карандаш как раз и оказалось причиной для прекращения военной карье-

ры. Начинающий художник приступил к занятиям под руководством Кардовского и Ционглинского, впервые съездил в Италию. Однако большее влияние на Бехтеева оказало попадание в Мюнхен — не только город с вполне определенными культурными традициями, но и место обитания знаменитого Кандинского и его единомышленников — Алексея Явленского, Марианны Веревкиной и других. Вхождение в круг художников «Синего всадника» не вырвало Бехтеева из контекста отечественного искусства: он участвовал и в выставке «Нового общества художников» в Петербурге, и в самом первом московском выступлении «бубнововалетчиков».

Разумеется, начало Первой мировой положило конец российско-германской художнической идиллии. Бехтеев вернулся на родину, служил в Борисоглебске поручиком запаса. После революции трудился в Отделе по делам музеев и охраны памятников старины и искусств

Наркомпроса. Как ни странно, художник, корни творчества которого уходили в немецкий экспрессионизм, безболезненно существовал в советской России — может быть, потому, что занимался графикой, а не живописью. В 1922-м он начал работать в издательствах: делал обложки, иллюстрации. Оформил, в частности, «Огни на курганах» и «Финикийский корабль» Василия Яна, японскую сказку «Непобедимый богатырь». В 1930-е Бехтеев ездил по стране еще и в качестве графика-станковиста: серия акварелей была написана в Гудаутах, по заказу Литературного музея он предпринял путешествие с красками и этюдником на Кавказ, по Военно-Грузинской дороге. За все 93 года жизни только однажды о Бехтееве вспомнили как о формалисте: в постановлении Академии художеств 1949 года. Зато он оказался тогда в компании Натана Альтмана, Павла Кузнецова, Надежды Удальцовой, Александра Тышлера и других первоклассных мастеров.

В начале 1920-х годов Владимир Бехтеев выполнил множество костюмов для цирковых представлений (Пан, 1921)